

ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ИНТЕРВЬЮ

НАВОКОВ В НАШЕМ ГОРОДЕ

24 апреля 1981 года некоторые жители нашей Северной столицы оказались свидетелями необычного явления природы — с высокой кафедры истории русской литературы филологического факультета ЛГУ имени А.А.Дданова впервые было произнесено имя Владимира Набокова. Невероятно, но твердья целомурия отечественного литературоведения пала-таки трещину, кс-купенная этим безукоризненным аристократом с горькой склад-кой у рта.

Но все по порядку. По рассказам очевидцев, 24 апреля в 18 часов на открытом заседании Кафедрь истории русской ли-тературы и т.д. появился сам заветующий, профессор Макаго-ненко Г.П., и объявил многочисленной аудитории, что он счаст-лив открыть очередные "Апрельские чтения". Напомнив о бла-горочных задачах "Чтений" — знакомить широкие круги специа-листов и не таковых с новыми работами кафе-тры, смело вино-сить их на обсуждение, не "ожилаясь публикаций, и упомянув о некогда существовавшей традиции русских университетов уст-ранять публичные лекция в целях просвещения соотечествен-ников /на что аудитория благопарно закивала, вспомнив, оче-видно, Грановского/, он пре-оставил слово первому просвети-телю, выступившему с сообщением "Трагическое в русском ро-мане XIX века" на материале романа И.С.Тургенева "Творинс-кое гнездо". По словам очевидцев, сообщение это нагнало смертную тоску даже на вливающих вилы тургеньевовечов; прочом-жалось оно полтора часа и закончилось трагически — после очередного напоминания председателствующего о регламенте, докладчик обмгелся и сел, оборвав речь на полуслове.

Как тут не вспомнить замечания Ф.М.Достоевского, что "бушь разгений, но в публичном легком литературном чтении нельзя занимать собой публику более двадцати минут безнака-занно!" И действительно, никакого обсу-жения не последова-ло, хотя аудитория заметно оживилась, ибо вторым номером в афише "Чтений" значилось выступление В.К.Руденко "Чернышев-ский в интерпретации Владимира Набокова". Они толкали в

бок соседа: "Ну-е, посмотрим, посмотрим!", другие просто потирали руки, третьи оборачивались назад и спрашивали: Кто он, этот Рупенко?" "Не знаю, — отвечали им, — кажется кто-то из партбюро". Покуда аудитория разминалась таким образом, на кафедру неожиданно вышел довольно молодой человек, который, учитывая, очевидно, печальный опыт своего коллеги, быстро поведал о том, что Батюшков в "Подражаниях древним" представил отнюдь не оригинальные стихи, а скорее всего переводы, но вот из кого — этого публика, естественно, не расслышала, отчего обсуждение вновь не состоялось.

Объявили перерыв. После легких разговоров аудитория застыла на вдохе, словно перед свиданием с донной Флор и ее мужьями, а быть может потому, что новый докладчик, на этот раз колгожданый В.К.Рупенко, путаясь в бумагах, начал вполголоса сетовать на то, что тема его исследований невероятно сложна для разработки и он просто не представляет себе, как с ней справиться. Из всех углов слышалось требовательное: "Погромче, пожалуйста!", докладчик возвысил голос и сказал, что мало ли, мол, что на свете происходит, но задача у ч е н о г о — "не предавать анафеме, а понять и объяснить", и с этим все согласились. Потом он вкратце пересказал биографию Н.Г.Чернышевского — о его жизни критика, об оригинальном романе, о трагической судьбе, добавив к сему, что сейчас существует тенденция к "поляризации оценок".

И вот тут как раз и произошло, если верить очевидцам, историческое событие. "Самая яркая и оригинальная оценка Чернышевского, — произнес докладчик в девятом часу, — принадлежит Владимиру Набокову!" Говорят, что многим в аудитории послышался в этот момент звук лопнувшей струны... И впрямь, чем не странный сон: солнце светит за Неву на Морскую набережную, университетская аудитория слушает биографию Владимира Владимировича Набокова — странный сон, нездешний. Как единодушно клянутся очевидцы, докладчик вполне наяву и совершенно запросто изложил потрясенной аудитории биографию "эмигрантского писателя, который враждебно относился к советской идеологии", успокоив ее, правда, тем, что в произведениях его "нет классовой подоплеки", и это несмотря на то, что семья Набоковых потеряла в революцию имущество

двигимого и недвижимого на 2 000 000 царских рублей. В завершение биографического экскурса последовал пикантный афоризм самого Набокова, прекрасно иллюстрирующий, по мнению докладчика, миросодержание автора "Дара" и "Долиты": "Я презираю четырех докторов - доктора Фрейда, доктора Ливаго, доктора Швейцера и доктора Кастро". Афоризм привел публику в чрезвычайный восторг - и она полюбила докладчика. Барышни украдкой писали записочки, наименее интимные из которых были впоследствии зачитаны вслух.

Воодушевленный таким приемом, докладчик еще немного пококетничал, ругнул американскую критику за обиды Николаю Гавриловичу, скользнул по композиции "Дара", задал естественные в его положении вопросы "почему?", "отчего?", "зачем?" /т.е. зачем понадобилось Набокову отдавать Чернышевскому всю четвертую главу романа?/, а потом познакомил слушателей с предметом своих исследований - пересказал роман с остроумными комментариями и обширными цитатами, причем, как сообщают очевидцы, не без артистизма, а диалоги - чуть ли не в лицах и тоже с комментариями.

Кстати, о диалогах. Когда докладчик воспроизвел разговор Голунова-Чердынцева с Кончеевым, после реплики "Осторожно - ступенька!", какое-то лицо из публики, очевидно, просвещенное, громко воскликнуло: "Мать честная, совсем как Бонч с Бруевичем! У них там: "Осторожно - канавка!" - некоторые заинтересовались было параллелью, но все утонуло в веселом оживлении по поводу анекдота о двух персонах, которые "погубят Россию".

Докладчик-душка получил от публики воздушный поцелуй, но тут же вмешался претеселятельствующий профессор и заметил "Вы, конечно, интересно рассказываете, однако, какое это все имеет отношение к Чернышевскому?" Докладчик ответил, что он таким образом "показывает "центральность, органичность и необходимость темы Чернышевского". "Смотрите, - продолжал он, - Берлин, семья Чернышевских, самоубийство их сына, шахматный журнальчик, возлюбленная героя, диалог с Кончеевым и т.п. - все это имеет прямое отношение к теме Чернышевского; к тому же случайного в романах Набокова просто быть не может, ведь они, как выразился сам автор, "голово-

ломки с изящным решением". И вообще, для Набокова существуют лишь три ценности: Набоков /пар/, Россия /география/ и Пушкин /абсолют/, а все остальные ценности он компрометирует - хотя бы того же Чернышевского". И докладчик, не сходя с высокой трибуны, показал несколько набоковских фокусов с колодой Чернышевского, а в незамедлительно последовавшем разоблачении продемонстрировал, как это все делается: откуда Набоков достает шестерки, в какой рукав пошел валет и каким пальцем он перепергивает. Но, как это всегда бывает, когда публике объясняют подобные штуки, она полиivilась их простоте, а вот почему фокуснику при любом раскладе приходится четыре туза так и не поняла: "Что за черт?"

Очевидцы свидетельствуют, что в такого рода занятиях быстро пролетели два часа, солнце село на ветренном взморье, показались первые звезды, а необычное явление природы, как ни в чем ни бывало, продолжалось, пока сам докладчик не обратил внимания на часы: "Пора закругляться". Это "пора" никакого восторга не вызвало, всем хотелось пролить счастливые мгновения, но председательствующий профессор встал и сказал: "Действительно, мы все очень благодарны Брису Константиновичу за интересное сообщение, однако не сидеть же нам тут до утра! Какие будут вопросы к докладчику?" Записок появилось много, на некоторые из них были даны ответы, которые, само собой, очевидцы все не упомянули. Был, к примеру, зачан вопрос: "Как вы относитесь к поэзии Голунова-Чернышцева?"; на него докладчик ответил: "Хорошо. Стихи в романе, за исключением совсем юношеских, выше всякой критики". Или такой: "Считаете ли вы Набокова русским писателем?" Ответ: "Нет, Набоков - вне русской традиции". Тогда одна дама закричала: "А "Приглашение на казнь"? А Леонид Андреев?" - на что докладчик ответил, что у Леонида Андреева такого романа нет, ах, у Набокова... простите, не читал. /Кстати, очевидцы обратили внимание на то, что докладчик несколько не стеснялся своей скудной эрудиции, а напротив даже подчеркнул раза два, что ничего, кроме "Дара", у Набокова не читал/. Последним был вопрос: "Есть ли что-то в Чернышевском, что вы поняли благодаря Набокову?" "Нет, - сказал докладчик, - это Набокова я понял благодаря Чернышевскому". "Как тон-

ко!" — воскликнули в зале. "И между прочим, правильно, — сказал председательствующий. — Не надо забывать, что Набоков интересуется нас лишь постольку, поскольку затрагивает тему Чернышевского". И на этом он пожелал публике всего хорошего — до следующего апреля.

Так закончилось это явление, столь необычное для нашей Северной столицы. Но, бржеват скептики, советское литературоведение еще не готово принять в лоно русской литературы Владимира Набокова — сочинителя стихов и романов на разных языках, который презирал четырех докторов. Вместе с тем, хопят упорные слухи, будто Бонч и Бруевич заканчивают фундаментальное исследование "Набоков как претеча Лейвера и Борга" с приложением анализа нескольких теннисных партий, сыгранных им в Берлине в 192... году. Не знаешь, кому и верить.

§§§§§§§§§§